

Лeonид Аронович, поговорим о сегодняшней Москве, но с оглядкой на начало 90-х.

— Оглянусь, пожалуй, лет на двадцать назад. Однажды я возвращался из Лондона в Москву. Наша туристическая группа ехала в автобусе из Шереметьева по моей любимой улице Горького. Но поскольку перед глазами все еще стоял Лондон, я вдруг увидел, что мы едем по району трущоб: облупившаяся штукатурка, делающая дома старыми развалинами, тусклый свет, отвратительные мостовые с гигантскими выбоинами. Я уже не говорю о временах моего детства — тогда Москва была городом барачников и подвалов. Мы жили с родителями и бабушкой вчетвером в одной комнате в коммуналке, в подвале, где было 9 комнат и жило 32 человека.

За последнее десятилетие Москва неузнаваемо похорошела. Город выглядит, как европейская столица. И не только центр. В то же время с каждым годом жизнь в Москве осложняется...

— С парадоксальных заявлений начинаете?..

— Жизнь полна парадоксов. Да, город становится лучше, а жизнь в нем становится хуже. Именно хуже! Если мы этого не поймем, то лет через пять Москва станет гигантской трущобой, но уже не за счет домов-развалин, а за счет тесноты, шума и смога.

Вспоминаю один из самых страшных городов, которые я видел в своей жизни, — Калькутту. Это культурный центр Индии. По улицам люди там идут буквально плечом к плечу. А водители автобусов специально нанимают мальчишек, которые висят на передней подножке и орут: «Пропустите! Освободите дорогу!» Эти автобусы еле ползут. Похоже, Москва движется в том же направлении. И дело не только в том, что в Москве уже около трех млн. машин...

Известен эффект острова Гернси — это маленький остров между Англией и Францией, там живет популяция низкорослых оленей. Когда оленей становится очень много, то без всяких внешних причин в популяции начинается мор. И вымирают олени до определенной численности. Потом популяция вновь растет...

Так вот я думаю, что не только оленям, но и людям нужно пространство для жизни. Скажем, в том же Лондоне есть такие пространства. Там много просторных парков. Кроме того, Лондон на три четверти состоит из маленьких частных домов, которые человека не угнетают.

Небоскребы, растущие в жилых кварталах Москвы, угнетают. И если этот процесс решительно не остановить, то Москва лет через пять потеряет свою ценность как пространство для жизни. Да, в Москве будет много элитных домов, но жить в них станет необычайно тяжело. В западном мире хорошо известна эта проблема большого города. Нам пора учиться на чужих ошибках. Вот, скажем, наш микрорайон...

— Один, кстати, из привилегированных...

— И один из разумно построенных. Сегодня я смотрю в окно и вижу небольшой зеленый дворик, старые липы и тополя. На другой стороне дома еще один дворик — там гуляют бабушки с внуками, детская площадка, рядом детский садик со своей уютной территорией. И вот все это оказалось под угрозой, потому что какая-то компания закрыла детский садик и, как говорят, на этом месте хочет построить несколько жилых башен и гаражи. Если это случится, то жизнь в этом маленьком квартале станет невыносимой. И такое происходит в Москве сплошь и рядом. Мой друг живет рядом с Чапаевским парком. От парка отрезали огромный кусок — где был когда-то стадион — и строят восьмью московскую высотку, «Триумф-палас». Сотни квартир. Тысячи людей. Огромное количество машин, которые погубят зелень вокруг. Я на эти башни посмотрелся в Буэнос-Айресе. Они торчат, как карандаши, посреди городских кварталов. Повернуться негде. Как там живут люди — не представляю. Боюсь, в Москве останется несколько маленьких районов — типа Серебряного Бора — для знати, а все остальные районы — и для людей малообеспеченных, и для людей обеспеченных — станут невыносимыми для жизни.

Я понимаю, что строительным фирмам выгоднее строить дома в уже обжитых районах, рядом с метро, где вся инфраструктура. Дешевле обойдется строительство, и дороже будут квартиры. Но жить, повторяю, станет невозможно.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ — прозаик, драматург, публицист. Автор многих книг, пьес. Перевоодился на сорок иностранных языков. Лауреат литературных премий. Секретарь Союза писателей Москвы. Но, встретившись, мы решили поговорить с Жуховицким не о литературе, а о московской повседневной жизни. Выбор темы не случаен: Леонид Аронович известен как человек наблюдательный, неравнодушный, живо откликающийся на живую реальность и проблемы. И, кстати, Жуховицкий неоднократно участвовал в наших блицопросах. Его суждения порой отличаются парадоксальностью. Вот и на сей раз писатель начал с необычного заявления...

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ: БУДЬ У МЕНЯ ДЕНЬГИ, Я БЫ КУПИЛ ЛУВР

У Москвы еще одна крайне тяжелая проблема. Москва не строилась, а росла. И выросла она очень бестолково: все магистрали и все линии метро проходят через центр. И чтобы, скажем, проехать в метро от Сокола до Октябрьского Поля, надо ехать через центр — что есть абсолютное изуверство. В Лондоне городское метро похоже на школьный тетрадный листок в клеточку: много разных вариантов — можно выбрать короткий путь. У нас же все вынуждены толкаться в центре. Переидешь со станции «Охотный ряд» на станцию «Театральная», и ты уже устал, ты уже зол, потому что в этой толпе все вокруг тебя раздражают, и ты всех раздражаешь — слишком тесно.

И, мне кажется, с этим явлением надо бороться решительно и беспощадно...

— Однако картину вы нарисовали, прямо скажем, мрачную. Но кто согласится жить в этих элитных домах? Богатые люди за городом себе дома строят. И как вы предлагаете бороться?..

— У нас за спиной по крайней мере 80 лет абсолютной нищеты. Если молодежи не давали комнату в бараке или в общежитии без всяких удобств — они были счастливы. Мы привыкли к этому. Даже у богатых людей не изменилась психология. Они могут купить элитную квартиру в этом непригодном для жизни районе. Но пройдет немного времени, и они разберутся — станут продавать эти квартиры и бежать за город. Перестанут вкладывать деньги в Москву. И Москва как единый организм начнет разваливаться.

Считаю, что московские власти должны отдавать себе отчет в этом. Социальный взрыв может произойти совсем не там, где его ждут. Не от голода и нищеты — в Москве нищих людей не больше, чем в Буэнос-Айресе и уж точно гораздо меньше, чем в Калькутте или Бомбее. Но когда жизнь людей станет невыносимой, у них начнет развиваться гигантский психологический стресс, который выливается в безот-

четную агрессивность. Когда-то вечером можно было поехать в центр, чтобы просто погулять, — сейчас это немыслимо. Сейчас от метро «Аэропорт» доехать до Арбата — тяжелое предприятие: пробки страшные, добираться полчаса. Метро забито.

Я понимаю все сложности проблемы. На Западе большие города теряют население — люди переезжают в пригороды. В малые города. Надо, наконец, ограничить численность населения Москвы...

— Леонид Аронович, вы все-таки не ответили на мой вопрос. Что за словами «бороться», «ограничить»? Что нужно сделать, чтобы Москва не становилась тесной и неудобной?

— Нужно категорически запретить строительство внутри кварталов. В кварталах должны быть не только дома, но и детские сады, скверы, парки, спортплощадки. Надо ужесточить градостроительные нормы. Если раньше один дом от другого ставили в 40 метрах, то надо увеличить до 60 метров. Людям нужно пространство для жизни. Нужны очень жесткие законы. Иначе москвичи начнут вымирать, как вымирают олени на острове Гернси...

— Но строить новое жилье нужно — прежде всего для того, чтобы москвичи улучшали свои жилищные условия...

— Бессспорно, делать это надо. Но ни для кого не секрет, что 70 процентов новых квартир покупают не москвичи. Нужны очень жесткие законы. Иначе москвичи начнут вымирать, как вымирают олени на острове Гернси...

— Какие изменения вы имеете в виду?
— Только не этнический состав! Часто говорят: вот, куда ни ткнишь — одни азербайджанцы или армяне. Мне противно это слушать. Это граждане России, которые имеют право жить там, где они хотят.

Я имею в виду колоссальные изменения, происходящие в культурном пласте столицы. Например, из театров ушел традиционный театральный зритель. Туда идет иной зритель — любитель развлечений. Десять раз он сходил в казино или ресторан, но один раз ему надо выйти, допустим, в театр или на какую-то звездную звезду. В театр он идет посмеяться. Или на клубничку. Поэтому не случайно изменился репертуар театров. Руководители театров резонно говорят: мы выпускаем то, что пользуется спросом. Дело в том, что московская театральная публика, которая подпитывала великие спектакли прошлых десятилетий, она или по возрасту ушла, или переселилась в «спальные» районы, откуда сейчас съездить в театр почти невозможно из-за причин, о которых мы говорили.

А посмотрите, какие книги сейчас наиболее популярны: детективы и никчемные любовные романы, где ни любви, ни романа. Изменилось представление о ценностях. Изменился облик москвичей. И вот этот культурный слой, который был некоей замечательной особенностью Москвы и который тянул за собой всех остальных, оказался очень размыт.

Сейчас говорят: наука в бедственном положении, денег мало выделяют. Правда — только наполовину, на другую половину — вранье. Сильная творческая наука нуждается в определенной культурной среде. Известно, что Эйнштейн в свое время сказал, что Достоевский дал ему больше, чем Гаусс. Наши великие ученые — такие, как Иоффе, Ландау, Курчатов, Александров, Арцимович — были людьми культурными. Они были великолепно образованы, грамотно говорили по-русски. И росли не только на Пушкине и Блоке, но и на Пастернаке, Окуджаве, Галиче, Заболоцком, Ахматовой, Высоцком. У них была культурная подпитка. Не уверен, что ученые, выросшие на Марининой и Аллене Апиной, способны что-либо серьезное изобрести, хоть осыпая их деньгами. Нет творческого состояния без культурной среды...

— Хочу внести мажорную ноту в наш разговор. Не все так плохо. Давеча я прочитал о том, как одного человека,

занимающегося вывозом мусора в Калуге, обидело, что разворовали местную фабрику музыкальных инструментов. Он купил руины, собрал остатки оборудования, и начал делать пианино. А через год получил в Париже золотую медаль Наполеона — за особые успехи в экономике. Их пианино, по мнению знающих людей, звучит лучше рояля «Ямаха». В России по-прежнему много талантливых людей...

— Очень много. И я совсем не в миноре. Я оптимист. Меня многое радует. Меня радует, например, то, что у нас появились свои богатые люди, толковые предприниматели, которые сумели заработать миллионы в долларах. С ними мы редко общаемся — у нас разные компании. Но я знаю таких — это люди колоссального таланта. Скажем, покойный Саша Паникин. Мы с ним дружили — это был замечательный человек. У него трудилось три тысячи рабочих, и все хорошо зарабатывали. И продукция хорошо продавалась. Или Анатолий Климин — талантливый человек. Ведь он — мальчишка из барачников на окраине Уфы. У него огромный природный талант и фантастическая работоспособность. Меня восхищает и то, что, когда на аукционе продавали картину Малевича «Черный квадрат» стоимостью миллион долларов, олигарх Потанин купил ее и передал в Эрмитаж. Если бы у меня были деньги, я бы купил Лувр. Пусть знают, что Россия не страна нищих...

— Вы верите, что Россия выберется из нищеты в масштабах широких масс?

— Уже выбралась. Нищие есть во всех странах. И в Америке тоже. Известно, что пять процентов населения в любой западной стране не работает и никогда не будет работать — не хотят. У нас таких людей больше. Потому что всех развратила советская система. Не надо было работать. Надо было жить в начальство пробиваться, либо хлюйствовать перед начальством, либо воровать.

Сейчас нищеты нет. Мы забыли о колбасных поездах, забыли, что такое гнилая картошка, что такое ботинки, которые никто никогда не купит. Качество продукции, выпускаемой у нас, гигантски изменилось. Люди научились зарабатывать. Деньги дают человеку независимость. Защищают его. В какой-то мере наши крупные предприниматели есть некая гарантия нашей экономической и социальной стабильности. В стране появляются островки благополучия. На «Норильском никеле» зарплата рабочих от тысячи долларов и выше. Островок благополучия. Я летал в Томск. Город меня поразил. Он замечательно развивается. В магазине все то же самое, что в Москве. Хорошая гостиница. Прекрасные кафе и рестораны. Пять университетов. Люди спокойные.

Чем больше таких островков-оазисов, тем лучше: дай время, и они сольются в единую систему. Поэтому нам нужны не 10 миллиардеров, а сотни. И тысячи миллионеров. Сегодня предприниматель, не имеющий значительных капиталов, не может осуществить крупный проект: не построишь большой завод, не проведешь нефтепровод.

Обратите внимание: среди самых успешных предпринимателей нет тех, кто разворовал собственность. Собственность разворовали партийные работники и красные директора. Но не смогли ее удержать, потому что не умели работать в условиях конкуренции. Сегодня им на смену приходят люди моложе, энергичнее...

Но пока у нас сохранилась одна гигантская несправедливость. Во всех странах пожилые люди материально живут лучше, чем молодые. У нас резко наоборот...

— Какая особенность Москвы вам греет душу?

— Когда-то мой приятель художник Павел Бунин, которого здесь буквально застрелили, решил уехать. Уезжал он в Австрию. И сказал мне: «Поедем вместе». Я ответил: «Из России не уеду». — «Почему?» — «Потому что таких девчонок, как в Москве, я нигде не найду». Всю жизнь меня греет и греет до сих пор одна особенность столицы — московские женщины. Это совершенно особый тип женщин: они талантливы, яркие, внутренне свободны. Они, наконец, открыты для любви. Они мечтают о любви больше, чем о деньгах. Так что именно это в Москве меня греет больше всего! Когда я смотрю на студентов, на молодежь, на ребят за рулем «мерседеса» и BMW, я искренне радуюсь, что они живут гораздо лучше, чем я. И уверен: их дети будут жить еще лучше...

Василий ДВОРЫКИН